PG
7158
.M5A55
1857

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1918

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

МИЦКѢВИЧЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ

ОМУЛЕВСКАГО.

— СОНЕТЫ —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

Wictoru Kalinow[illegible]

na pamięć oryginalnych [illegible]
stosunków

Om[illegible]

9 Января
1858 г.
Петербург
Публичная Библиотека

СОНЕТЫ МИЦКѢВИЧА.

Mickiewicz, Adam
Mitskievich v perevodiP

МИЦКѢВИЧЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ

ОМУЛЕВСКАГО.

Błogosławię ci piòro...
Mickiewicz, Sonety.

— СОНЕТЫ —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРИГОРІЯ И. ТРУСОВА.
1857.

PG7158
.M5A55
1857

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 18 Октября 1857 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

ВМѢСТО ОБЪЯСНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА.

(Отрывокъ изъ письма въ Иркутскъ къ Прокопію Николаевичу Басину)

«....Ты знаешь, какъ я люблю Мицкѣвича. Въ памяти твоей конечно сохранились тѣ вечера, когда бывало приходилъ я къ тебѣ и, развернувъ завѣтную книжечку его стиховъ, увлекалъ ими твое жадное юное вниманіе; по крайней мѣрѣ мнѣ это очень хорошо помнится. Тогда я чувствовалъ въ себѣ какое-то еще неясное, невыскàзывавшееся еще сознаніе красотъ великаго польскаго поэта—но позже изученіе ихъ пришло ко мнѣ само собою. Съ тѣхъ поръ Мицкѣвичъ сталъ моей настольной книгой.... На диванѣ ли съ сигарою въ зубахъ въ пріятной лѣни послѣобѣденнаго времени, со стаканомъ ли чаю за вечернимъ столомъ, за чтеніемъ ли на сонъ грядущій—всегда съ нимъ, всегда съ этою завѣтною книжечкою стиховъ Мицкѣвича! Дождался я, другъ, наконецъ и того, какъ ты знаешь, что бо̀льшую часть ихъ почти зналъ наизустъ. Мало по малу польскіе стихи въ моей головѣ начали незамѣтно переливаться въ русскіе и принимать родную форму; правда, я ихъ не записывалъ себѣ на память, потому что они у меня всегда были въ памяти—но это естественно навело меня потомъ на мысль о переводѣ. Сперва эта мысль, какъ мнѣ показалось въ то время, приняла у меня слишкомъ широкіе размѣры: я хотѣлъ перевести все — всего Мицкѣвича. Тогда и точно это было задумано не по силамъ: я былъ еще слишкомъ не зрѣлъ для его стиховъ... Разумѣется, пока они слагались у меня только въ головѣ, они были, пожалуй, и не дурны—на бумагѣ оказалось совсѣмъ другое... И такъ я сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ опытовъ перомъ, задумался и съ тоскою на свое безсиліе бросилъ неконченную работу. Періодъ этаго безсилія нынѣ однакожъ миновался. Мысль о переводѣ, явившаяся мнѣ два года тому назадъ и озадачившая невозмужалыя силы своимъ широкимъ размѣромъ, теперь является мнѣ

только естественною данью памяти покойнаго поэта—и трудъ оказывается уже по силамъ. Я давно многое перевелъ, но какъ начинающему, мнѣ право не хотѣлось разносить и мельчить моего труда по листкамъ нашихъ журналовъ. Ты знаешь мой странный характеръ —для меня какъ-то дико принести какому-нибудь редактору свою работу, отвѣсить ему поклонъ, какъ оракулу и смотрѣть на него жадно во всѣ глаза.....

Вотъ причина, по которой я рѣшился печатать переводъ мой отдѣльной книжкой. Ты вѣрно ее скоро получишь въ Сибири—отъ меня. Я началъ мое изданіе съ Сонетовъ: тише ѣдешь—дальше будешь; кажется, коротко и ясно?.. Право не знаю какъ ихъ примутъ... Жертва вѣчной несносной лѣни— я почти не позаботился измѣнить и поправить ихъ слабыя или неточныя мѣста послѣ того, какъ они рождались подъ минуты вдохновенія, если только ты признаешь вдохновеніе въ дѣлѣ перевода. Впрочемъ за близость его къ подлиннику не только по мысли, но и по выраженію, и по тону стиховъ—я тебѣ ручаюсь. Сказать по правдѣ, я даже во многихъ мѣстахъ въ пользу этой близости пренебрегъ одинаковостью размѣра и равнымъ числомъ стопъ въ стихахъ, такъ что они оказываются у меня часто вольными, даже очень вольными стихами. Нельзя сказать также, чтобъ ты прочелъ ихъ въ первый разъ, не запинаясь — запнешся и не одинъ разъ, а двадцать; но потомъ, какъ попримѣнишься къ нимъ, да поразсудишь о трудности дѣла—такъ не мудрено, что избавишь переводчика отъ неизбѣжнаго, на первый случай, нареканія... Надо сказать и то, что я поторопился, что я сдѣлалъ меньше, чѣмъ бы могъ—но мнѣ было грустно подумать, что всѣ вы, мои добрые друзья, смотрите на меня съ ожиданіемъ и надеждою изъ вашей безмятежной глуши и дивитесь долгому молчанію того, кто уѣхалъ отъ васъ такъ далеко, чтобъ сказаться публикѣ и замолвить за себя передъ ней доброе словцо добрыми трудами.—Теперь слѣдите за мной: я начинаю мое публичное шествіе и какъ слабый смертный, выходя на широкое поле, опираюсь на руку безсмертнаго...., передъ которымъ умолкнешь и ты, мой милый говорунъ...» и проч.

Посвящается Марьѣ Осиповнѣ Остыловской.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Начало сдѣлано..Сонетовъ переводъ
Вамъ, какъ сотрудницѣ, я посвятилъ, Марія.
Вашъ взглядъ прямой не новость въ немъ найдетъ,
На языкѣ чужомъ прочтя стихи родные.

Вы знаете его...На вашихъ онъ глазахъ,
Улыбкой вашей ободряемый, создался;
Все въ немъ по прежнему, все тоже—въ торопяхъ
Какимъ родился онъ, такимъ онъ и остался.

Пусть послѣ на родимой вашей сторонѣ
Улыбкой встрѣтится онъ вашей, какъ и нынѣ,
Пускай безмолвно вамъ напомнитъ обо мнѣ—
А вы въ признательность, какъ добрая богиня,

Ужъ сами вымольте прощенье за меня
У тѣни вашего великаго поэта,—
Что вдохновеннаго Мицкѣвича огня
Въ моихъ стихахъ и сотой доли нѣту;

Что муза бѣдная осмѣлилась свое
Завѣтно выразить нѣмое уваженье,
Любовь къ покойному—за то, что для нея
Онъ былъ источникомъ и сердцемъ вдохновенья.

Ему ли не простить безвѣстнаго пѣвца
Къ пѣвцу безсмертному сочувствія, скажите?
Ему—причастнику терноваго вѣнца?—
А онъ проститъ—и вы меня простите...

Омулѣвскій.

«10-го» Октября
1837 г.
Петербургъ.

СОНЕТЫ

Quand'era in parte altr'uom da quel, ch'io sono

PETRARCA.

I.

КЪ ЛАУРѢ.

Едва тебя увидѣлъ, ужъ воспламенился
И въ незнакомомъ взорѣ давняго знакомства я искалъ,
И на щекахъ твоихъ взаимности румянецъ разцвѣталъ,
Какъ розы грудь, когда въ нее зари оттѣнокъ перелился.

Едва запѣла ты, ужъ взоръ слезой я отуманилъ;
Твой голосъ проникалъ до сердца и за душу онъ хваталъ—
Казалось, ангелъ душу ту по имени назвалъ
И въ колоколъ небесный онъ минуту избавленія ударилъ.

О милая! Пускай твои глаза признанья не боятся,
Когда тебя я взглядомъ, голосомъ когда моимъ волную
(Не говорю о томъ, что и судьба, и люди противъ насъ грозятся),

Что долженъ я бѣжать, что безнадежно, другъ, тебя люблю я.
Пусть бракъ земной инаго подаритъ твоей рукою—
Признайся только мнѣ, что Богъ свѣнчалъ меня съ твоей душою.

II.

Съ собою говорю, съ другими не могу найти и слова я,
Тревожно сердце бьетъ, дыханьемъ не владѣю,
И искры чувствую въ зрачкахъ я, и въ лицѣ блѣднѣю,
И не одинъ знакомый громко о моемъ справляется здоровьѣ,

И либо на̀-ухо что скажетъ о моемъ разсудкѣ.
Такъ цѣлый день промучуся; когда паду на ложе
Въ надеждѣ, что украду у мученій сномъ минутку,
То огненныя сердце въ головѣ моей воспламеняетъ грёзы.

Я порываюся, бѣгу, припоминаю по складамъ я выраженья,
Которыми твое я обаянье разгоняю—
Склады забыты милліонъ разъ, безъ сомнѣнья.

Но вновь когда тебя увижу, отчего и самъ не понимаю,
Спокоенъ снова я и холоднѣе льда бываю,
Чтобъ на̀-ново горѣть—молчать, какъ и намедни.

III.

Незаученая—твоя походка, рѣчь безъ вымысла твоя ложится,
И ни лицо, ни взглядъ твой надъ другими не превыситъ,
А каждый радъ тебя увидѣть, радъ вблизи услышать,
Хоть въ платьѣ и пастушки—видно, что царица.

Вчера звучали пѣсни, громкій говоръ снова,
Твоихъ ровесницъ было спрашивано имя:
Тотъ сыплетъ похвалы, другой насмѣшки дѣлаетъ надъ ними,
А ты вошла—молчаніе святое, ни одинъ ни слова.

Такъ на пиру, когда пѣвецъ къ своёму хору ужъ взывалъ,
Когда танцующихъ вились ряды по залѣ,
Вдругъ встанутъ всѣ и смолкнутъ. Каждый знать желалъ,

Никто не зналъ зачѣмъ задумчиво такъ всѣ стояли.
«Я знаю отчего, поэтъ имъ скажетъ, ангелъ пролеталъ».
Всѣ гостя приняли—не всѣ его узнали.

IV.

СВИДАНІЕ ВЪ БОРУ.

—Ты это? и такъ поздно?—Другъ, въ лѣсу густомъ
Съ дороги сбился я при свѣтѣ мѣсяца коварномъ;
Ты тосковала? обо мнѣ ты помнишь?—Милый мой неблагодарный,
Спроси могу ли думать я о чемъ-нибудь иномъ!

—Позволь мнѣ руку сжать, поцѣловать дай ногу,
Дрожишь ты? отчего? —Не знаю, межъ деревъ густыхъ
Блуждая, я боюся шуму листьевъ, крику птицъ ночныхъ;
Ахъ, мы должны быть, другъ, виновны, если чувствуемъ тревогу!

—Взгляни въ глаза, въ лицо мнѣ; никогда съ такимъ челомъ
Нейдетъ преступникъ и тревога такъ не смотритъ смѣло въ очи.
Мой Боже! виноваты-ль мы, что вотъ сидимъ вдвоемъ?

Сижу я такъ далеко, говорю такъ мало я, дружочекъ,
И забавляюся съ тобой, земной мой ангелочекъ,
Какъ будто-бы ужъ стала ты небеснымъ ангелкомъ!

V.

Святоша укоритъ насъ, а развратникъ просмѣетъ
На томъ, что мы хотя уединенными окружены стѣнами,
Хотя я такъ влюбленъ, она такъ молода лѣтами,
А все-жъ глаза я опускаю и она все слезы льетъ.

Я защищаюся влеченьемъ, а она такъ хочетъ—ахъ,
Спугнуть и самыя надежды, поминутно брякая цѣпями предомною,
Которыми намъ руки связаны оплаканной судьбою.
Не знаемъ сами мы что въ нашихъ дѣется сердцахъ...

Вѣдь это либо ужъ блаженство? либо боль? Когда я въ ощущеньи
Пожатья рукъ твоихъ, когда уста полны воспламененья—
Могу ли, милая, тому я имя дать мученья?

Когда-же слезы наши лица оросятъ,
Когда остатки жизни въ вздохахъ вылетѣть хотятъ—
Могу ли-жъ это, милая, блаженствомъ я назвать?

VI.

УТРО И ВЕЧЕРЪ.

Въ вѣнцѣ облаковъ огневыхъ на востокѣ ужъ солнце явилось,
На западѣ блѣдное мѣсяцъ лицо омрачаетъ,
За солнышкомъ почьки раскрытыя роза опять закрываетъ,
Фіалка подъ каплями ранней росы приклонилась.

Лаура блеснула въ окнѣ, преклоняюсь и я предъ ея красотой;
Волосъ золотистыхъ своихъ она пряди сплетая густыя,
«Отчего, говоритъ, у васъ рано такъ грустныя очи такія,
Фіалка и мѣсяцъ, и ты, милый мой?»

Пришелъ любоваться я подъ-вечеръ видомъ ужъ новымъ:
Вернулся и мѣсяцъ, лицо его полно, румянно,
Фіалка оправила листья свои, освѣженные ночи покровомъ.

Стоитъ у окна и опять моя милая; странно,
Она еще лучше теперь и глядитъ она болѣе взглядомъ веселымъ,
И опять я у ногъ ея—грустный, какъ утромъ былъ рано..

VII.

ИЗЪ ПЕТРАРКИ.

Senuccio i vo'che sappi.

Хотите знать что̀ я терплю, ровесники мои;
Изображу вамъ все, на сколь перо позволитъ.
Мечты среди могилъ церковныхъ мысль по нынѣ гонитъ
И духъ мой сѣтуетъ за прожитыя дни...

Здѣсь рѣзвиться привыкла, тамъ задумчива стоитъ бывало,
Тамъ нехотя лицо закрыла, взглядомъ здѣсь меня звала,
Здѣсь гнѣвная, тамъ грустная, здѣсь снова весела,
Черты лица здѣсь въ нѣжность, тамъ въ надменность измѣняла.

Тамъ пѣла пѣсенку, здѣсь руку мнѣ пожала,
Здѣсь сѣла, тамъ начало милаго болтанья,
Оттоль бѣжала, на пескѣ здѣсь мое имя вышло,

Тамъ молвила словечко, здѣсь слегка вздыхала,
Тамъ зарумянилась—ахъ! среди этихъ всѣхъ воспоминаній
И сердце вѣчно мечется, и путаются мысли...

VIII.

КЪ НѢМАНУ.

Нѣманъ, родная рѣка моя! Гдѣ эти воды,
Что я черпалъ когда-то въ безсильныя горсти бывало,
На которыхъ потомъ еще въ дикую глушь уплывалъ я,
Ища неспокойному сердцу прохлады свободной?

Здѣсь Лаура глядяся съ восторгомъ на образъ свой чистый,
Любила плести свои косы и ихъ убирала цвѣтами,
Здѣсь образъ ея, нарисованный въ лонѣ волны серебристой,—
Молодой и влюбленный, не разъ омочилъ я слезами.

Нѣманъ родной мой, гдѣ этихъ источниковъ слѣдъ,
А съ нимъ столько счастья, надежды такъ много?
Гдѣ милыя игры младенческихъ лѣтъ?

Гдѣ лучшія бурнаго вѣку тревоги?
Гдѣ Лаура моя? Гдѣ друзья мои тоже?
Все прошло, отчего-жъ не пройдутъ мои слезы!

IX.

ОХОТНИКЪ.

Я видѣлъ, какъ день весь средь лѣтняго зноя
Охотникъ бродилъ молодой; надъ источникомъ стòя,
Поглядывалъ долго кругомъ и со вздохомъ прибавилъ:
«Хочу ее видѣть, пока этотъ край навсегда не оставилъ,

Невидимый видѣть хочу!» Вдругъ летитъ за рѣкою
Верьхомъ амазонка, стройнѣе Діаны одеждой своёю;
Коня задержала и встала, и взоръ обращаетъ къ дорогѣ широкой.
Знать ѣхалъ за нею товарищъ далекій.

Охотникъ припалъ, задрожалъ онъ и Каина взглядомъ
Слѣдя по дорогѣ, все горько стоялъ улыбался,
Дрожащей рукою ружье зарядилъ и въ плечо онъ упёрся прикладомъ,

Назадъ отшатнулся, какъ будто бы мысли своей испугался.
Вдругъ видитъ онъ облако пыли, вотъ точно кто ѣхалъ;
Онъ цѣлится, ближе все пыль—но никто не подъѣхалъ...

X.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

(Изъ Петрарки)

Благословенъ тотъ годъ, и мѣсяцъ, и недѣля,
И день тотъ, и частичка дня, и этотъ часъ досуга,
И та минута, и то мѣсто, гдѣ моя подруга
Вдохнула чувства мнѣ, хотя и безъ раздѣла.

Благословенны глазки блеску и веселья, чутко
Отколь глядитъ Амурчикъ и лучекъ свой напрягаетъ;
Благословенъ лучекъ, и стрѣлки, и малютка,
Что выстрѣлилъ въ меня, ахъ! и теперь стрѣляетъ...

Тебя благословляю, пѣсенка простая-вдохновенно,
Которой рѣки и лѣса родимые откликнулись впервые,
Которую потомъ отчизна повторяла.....

Тебя, перо, благословляю, чѣмъ во дни былыя
Ее прославилъ я, и грудь моя благословенна,
Гдѣ милая жила моя Лаура и живетъ безсмѣнно.

XI.

УПРЯМСТВО.

Несчастливъ тотъ, кто о взаимности напрасно молитъ;
Несчастнѣй тотъ, кого напрасно сердце тягостно тревожитъ;
Но тотъ по мнѣ несчастнѣй всѣхъ выходитъ,
Кто потому не любитъ, что любилъ, а прошлаго забыть не можетъ..

Лицо безстыдное, коварные глаза онъ видя тамъ,
Воспоминаньями мрачитъ то наслажденье, что его ласкаетъ;
А если красота и честь въ немъ чувство пробуждаютъ,
Съ отцвѣтшимъ сердцемъ онъ идти не смѣетъ ангела къ стопамъ.

Либо себя винитъ, либо другими онъ пренебрегаетъ нынѣ,
Земную онъ минуетъ и дорогу уступаетъ онъ богинѣ,
А на обѣихъ глядя, все надежду онъ лелѣетъ,

И сердце у него похоже на давнишнюю святыню,
Опустошенную временъ и непогодъ колеей,
Гдѣ божество не хочетъ жить, а люди—тѣ не смѣютъ.

XII.

КЪ * * *

Смотришь мнѣ въ очи, вздыхаешь; твоей простотой—
Губишь себя; бойся яду, который въ глазахъ змѣи льется.
О, бѣги—да дыханье ея смертоносное груди твоей не коснется,
Если не хочешь ты жизни проклясть остальной.

Искренность только одна мнѣ отъ чести еще и осталась;
Знай, что огонь недостойный въ груди зажигаешь моёй,
Но умѣю я жить одинокимъ, и къ чему-жъ у доски гробовой
Позволять, чтобъ созданье невинное въ участь мою замѣшалось?

Я люблю наслажденье, однакожъ склонять я къ нему никого не могу.
Ты дитя, скорби тяжкія въ пепелъ меня превратили—
Ты счастлива и мѣсто твое собесѣдниковъ въ рѣзвомъ кругу.

Мое—тамъ, гдѣ прошедшаго гробы стоятъ и могилы.
Молодой плющъ, зеленую тополь ужъ ты обвивай,—
А намъ, терніямъ, здѣсь окружать только своды гробовые дай.

XIII.

Невольникъ впервые, моей радъ неволѣ,
Гляжу ль на тебя я—въ лицѣ у меня такъ спокойно,
О тебѣ ли я мыслю—въ умѣ все свободы такъ полно,
Люблю я тебя—что-же въ сердцѣ нѣтъ боли?

Не разъ принималъ я за счастье минуточку воли,
Не разъ увлекался я въ жизни мечтой молодою,
Обманчивой рѣчью и женщиной милой собою,
Но былъ въ это время не радъ и блаженства я долѣ...

Даже ту, когда ту я любилъ неземную—
Сколько слезъ, что за пылъ, и тревога бывало какая!
И теперь еще жалобъ на это прошедшее много ..

Съ тобой только счастье, съ тобою моя дорогая;
Слава Богу, что далъ мнѣ подругу такую,
Что и милаго учитъ она—хвалить Господа Бога.

XIV.

Вздыхаю я, милая; память о ласкѣ небесной
Минуты моего ужасно мрачитъ размышленья.
Ахъ! сердце, быть можетъ, твое, что терпѣло такъ много и честно—
Боится, быть можетъ, сказаться оно пустотой угрызенья.

И чѣмъ виновата ты, милая, въ томъ, что огонь твоихъ глазъ
Такъ палитъ, что уста твои, другъ мой, смѣются такъ мило;
Много вѣрила чести моей, своей собственной силѣ,
И съ избыткомъ Творецъ влилъ огня безпредѣльнаго въ насъ.

Прослѣдили мы много и дней, и недѣлей, подруга,—
Молодые, всегда одиноки, всегда неразлучны съ тобою,
И были, и долго мы оба достойны другъ-друга...

Ахъ! теперь ужъ пойду алтари обливать я слезою
И не буду просить моему преступленью прощенья,
Только пусть меня Богъ не караетъ твоимъ угрызеньемъ.

XV.

СЪ ДОБРЫМЪ УТРОМЪ.

Съ добрымъ утромъ! не смѣю будить я: о прелесть какая!
Ея духъ половиною рая въ предѣлы умчался,
Вполовину, черты оживляя небесныя, здѣсь онъ остался—
Будто солнце, когда его въ небѣ одна половина и въ облачкѣ свѣтломъ другая.

Съ добрымъ утромъ! вздохнула, въ глазахъ промелькнулъ ужъ лучь дня;
Съ добрымъ утромъ—зѣницы твои уже свѣтъ поражаетъ,
Своевольныя мухи къ тебѣ на уста налетаютъ;
Съ добрымъ утромъ—мой другъ, солнце въ окнахъ, я подлѣ тебя.

Несъ сладчайшее я «съ добрымъ утромъ» тебѣ—прихожу,
Увидалъ тебя: смѣлость пропала моя; пусть сперва погляжу:
Что, ты съ ласковымъ сердцемъ встаешь? освѣжили тебя сна объятья?

Съ добрымъ утромъ—руки не могу цѣловать я?
Отойти мнѣ прикажешь?—Сейчасъ отхожу—вотъ тутъ платья,
Пріодѣнься и выйди скорѣе—тогда «съ добрымъ утромъ» скажу.

XVI.

ДОБРОЙ НОЧИ.

Доброй ночи! сегодня ужъ больше не будемъ рѣзвиться,
Пусть сна Ангелъ крылами тебя осѣнитъ среди грёзъ;
Доброй ночи—пускай отдохнутъ твои глазки отъ слезъ,
Доброй ночи—пусть сердце покоемъ твое укрѣпится.

Доброй ночи—изъ каждой, со мной проведенной, минуты частицы
Пусть останется звукъ нѣкій, тихій и нѣжный,
Пусть онъ въ ухѣ играетъ твоемъ, а когда мысль изчезнетъ,
Пусть мой образъ пригрезится сонным зѣницамъ.

Доброй ночи—хоть разъ удостой на меня свои глазки еще обернуть
И позволь заглянуть мнѣ въ лицо—доброй ночи—сбираешься
кликнуть ты слугъ?
Дай мнѣ грудь цѣловать—доброй ночи—застегнута грудь.

Доброй ночи—уже убѣжала и хочешь ты двери замкнуть.
Доброй ночи тебѣ чрезъ замочную щель—заперта и она, увы! Другъ,
Повторяя такъ все «доброй ночи», я не далъ тебѣ бы заснуть.

XVII.

ДОБРЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Добрый вечеръ! онъ самымъ сладчайшимъ желаньемъ моимъ;
Никогда—почи-ль поздней предѣлъ насъ съ тобой раздѣляетъ
Или снова меня къ тебѣ утра пора призываетъ—
Ни здороваюсь, другъ, ни прощаюсь съ восторгомъ такимъ,

Какъ въ минуту я ту, когда вечера тѣнь ободритъ;
Даже ты, что такъ скоро стыдишься и рада молчанью,
Когда добраго вечера слышишь желанье—
Ужъ и взоръ твой живѣе, и громче твой вздохъ говоритъ...

Пусть день добрый восходитъ для тѣхъ, что въ союзѣ живутъ—
Освѣтить ту работу, что руки ихъ такъ съединяетъ;
Пусть счастливыхъ любовниковъ добрая ночь окружаетъ,

Когда сладости нѣгу изъ чаши блаженства они себѣ пьютъ;
Но у тѣхъ, что и любятъ, и зорко любовь берегутъ,
Добрый вечеръ, пускай, говорящія очи съ избыткомъ, скрываетъ.

XVIII.

ВИЗИТЪ.

(Къ Д. Д.)

Едва войду, словъ нѣсколько промолвлю съ ней одною,
Ужъ поражаетъ звонъ тебя и тащится лакей;
За нимъ визитъ, затѣмъ съ поклонами потокъ рѣчей—
Едва одно-то посѣщенье изъ воротъ, ужъ за воротами, глядишь,
другое.

Когда-бъ я могъ, ея пороги волчьею бы ямой окружилъ,
Ловушки лисьи бы наставилъ съ острыми зубцами я безчеловѣчно;
А если мало стерегутъ они, на тотъ бы свѣтъ готовъ я былъ
Умчаться, чтобы тамъ оборонить себя хотя покоемъ вѣчнымъ.

О проклятой докучникъ! и минуты даже я считаю
Преступникомъ, когда послѣднее его ждетъ наказанье,
А ты плетешь разсказы о вчерашнемъ балѣ—пережду ли?

Уже берешь перчатки, шляпы ищешь—понимаю;
Теперь немного отдохну, душа на мѣстѣ.. Въ ожиданьи...
О боги! снова сѣла—ну, сиди и ты прикованнымъ на стулѣ!

XIX.

ПОСѢТИТЕЛЯМЪ.

Жаждешь милымъ быть гостемъ—изволь мой совѣтъ прочитать:
Не довольно, вошедши, о томъ доносить, что ужъ всѣ почти знаютъ;
Что сегодня тамъ спорятъ, а тамъ-вотъ обѣдъ-де ѣдятъ,
Дёшевъ хлѣбъ, дождикъ падаетъ, въ Греціи драки бываютъ.

Если ты за бесѣдой въ гостиной застанешь двоихъ,
Замѣчай чѣмъ, поклономъ иль рѣчью тебя упредятъ,
Далеко ли одинъ отъ другаго сидятъ,
И на мѣстѣ ли все, и въ порядкѣ ли платье у нихъ.

Если дому хозяйка почти съ каждой фразой смѣяться готова,
Хоть смѣяться уста не хотятъ; если подлѣ нея человѣкъ молодой
Все глядитъ и часы вынимаетъ, и прячетъ ихъ снова,

И привѣтъ у него на устахъ, а на видъ такой злой:
—Знаешь какъ ихъ привѣтствовать?—Будьте здоровы!
А когда навѣстить ихъ опять? въ этотъ годъ?—На другой.

XX.

ПРОЩАНЬЕ.

Отгоняешь меня?—или я уже сердце твое потерялъ?
Но я имъ никогда не владѣлъ;—или честь охраняетъ тебя?
Но къ другому-жъ ласкаешся ты; или золота не далъ бы я?
Но я прежде, чѣмъ отдалъ его, ужъ тобой обладалъ.

И не даромъ; хотя я богатствъ предъ тобою монхъ не бросалъ,
Но я дорого каждую ласку купилъ:
За нее я спокойствіемъ жизни, цѣною души заплатилъ;
Для чего-жъ ты меня отгоняешь? Напрасно сказалъ.

Нынѣ прихоть ужъ новую въ сердцѣ твоемъ я открылъ:
Ты хотѣла похвальныхъ стиховъ; ложнымъ дымомъ похвалъ
увлекаться!
Такъ для нихъ ты изволишь покоемъ и счастіемъ ближнихъ
твоихъ забавляться?

Не купить тебѣ Музы! Бывало на каждой я риѳмѣ скользнлъ,
Когда шелъ на Парнасъ я лавровымъ вѣнкомъ увѣньчаться—
И стихъ этотъ сейчасъ отвердѣлъ у меня, только въ памяти
имя твое повторилъ.

XXI.

ДАНАИДЫ.

Полъ прекрасный! Гдѣ вѣкъ золотой тотъ, когда за цвѣты полевые,
И за шитыя колосомъ майскія платья
Покупались дѣвичьи сердечки и прелести всѣ ихъ живыя,
Когда голубка посылали къ возлюбленной сватомъ?

Нынѣ вѣкъ подешевле и стали дороже ужъ платы.
Та, которой я золото сыплю—о пѣсенкѣ проситъ сначала;
Та, которой я сердце даю—мою руку имѣть пожелала;
Та, которую я воспѣвалъ—предлагаетъ вопросъ: что, богатъ я?

Данаиды! Бросалъ въ бездну прихоти вашей и я вереницей
И подарки, и пѣсни, и душу въ слезахъ пролиту́ю;
Нынѣ сталъ я отъ щедрости скупъ, отъ избытка сталъ чувствъ лицемѣромъ.

И хотя до сихъ поръ меня манятъ красивые лица,
Хотя долженъ еще васъ дарить и пою я—
Но когда-то я отдалъ бы все—нынѣ все, кромѣ сердца и вѣры.

XXII.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ толпѣ ровесниковъ я о любви все напѣвалъ имъ было:
Одни меня хвалили, а другіе мнѣ шептали въ слѣдъ:
«Все только жалуешься, мучишься и любишь ты, поэтъ,
Другаго ничего не чувствуешь, а либо пѣть не въ силѣ.»

Входя въ лѣта серьозные съ умомъ, что возмужалъ,
Зачѣмъ такимъ младенческимъ огнемъ пылаетъ сердце?
На то ли ему боги дали голосъ вѣщій,
Чтобъ только о себѣ онъ въ каждой думѣ напѣвалъ?

Глубокомысленное предостереженье! — Вмѣстѣ съ горными духами нынѣ
Волшебную я схватываю лиру и на ладъ Урсына *
Едва я сталъ наигрывать—какъ цѣлая дружина

Ужъ разходилася, слухъ удивленный унося съ собоій;
Я струны рву и въ Лету я бросаю инструментъ глухой.
Таковъ поэтъ, каковъ народъ.

(*) Намекъ на Нѣмцевича.
Примѣч. переводч.

LIBRARY OF CONGRESS
00027179435